Ректор

Наталья Зимина

18+

Наталья Зимина
Ректор

https://litres.ru/74717708
SelfPub; 2026

Аннотация

Академия Тёмных Искусств принимает всех — и отчисляет большинство. Из двухсот студентов первого курса до выпуска доживают единицы. Ректор Морозов — человек, который не улыбается сто лет и отчисляет лично, — видит в Вере Соловьёвой то, чего не видит никто: не силу, а волю. Четыре года. Одна Тень, которую нужно не уничтожить, а принять. И один ректор, который ищет не преемника, а того, ради кого стоит остановиться. Романтическое фэнтези о том, что настоящая мощь — это способность щадить.

Ректор

ГЛАВА 1. ПРИКАЗ О ЗАЧИСЛЕНИИ

Письмо из академии Тёмных Искусств пришло в самый неподходящий момент — когда Вера Соловьёва, двадцати трёх лет, маг-недоучка третьего колена, продавала зелья от бессонницы на рыночной площади Вельска. Письмо было коротким: «Вы зачислены. Явка обязательна. Отчисление — смерть». Подпись: «Ректор Морозов. Личная печать».

— За тобой уже приезжали, — сказала соседка-травница, не отрывая глаз от котла. — Два раза. Оба раза возвращались без девушки. Не поезжай.

— А если не поеду?

— Тогда приедут в третий раз. И заберут не только тебя.

Вера поехала. Не из храбрости — из арифметики: дома оставалась бабушка, а бабушка — единственный человек, который помнил Веру ребёнком, до того как её способности выжгли половину деревни.

ГЛАВА 2. ВЕЛЬСК. ПЯТЬ ЛЕТ ДО

Ей было восемнадцать, когда это случилось. Вельск — посёлок на двести домов, лесопилка, река, церквушка без попа. Маги там рождались раз в поколение: бабушка-травница, дед-коновяз (умел успокаивать лошадей), и вот — Вера. Третье колено, поздняя искра: магия проснулась в четырнадцать, а до этого была просто «девочка с характером».

В тот вечер она возвращалась с речки. Трое подвыпивших

мужиков у моста. Один — Гриша Шорохов, которого она знала с детства, — шагнул навстречу. «Проводим, Верки?» Она сказала «не надо». Он сказал «надо». Она почувствовала, как внутри что-то щёлкает — как выключатель, который слишком долго не трогали.

Дальше — по учебникам: «неконтролируемый выброс магии третьего колена, радиус двенадцать метров». По её памяти: свет, крик, запах горелого мяса, тишина. Трое на мосту — обгоревшие, но живые. Одиннадцать в посёлке — из окон домов, которые стояли слишком близко к мосту. Четырнадцать человек. Ни одного мёртвого — но всех — искалеченных. Суд был закрытым: «невменяемость вследствие пробуждения магических способностей». Ей предложили выбор: академия или изолятор. Она выбрала академию — но вызов пришёл только через пять лет. Пять лет она ждала. Продавала зелья на рынке. Спала с ножом под подушкой. И писала — в стол, в тетрадь, которую потом сожгла: «Я не хотела. Я не хотела. Я не хотела».

ГЛАВА 3. БАБУШКА

Бабушка Арина — травница, ведунья, «та, к кому ходят, когда врачи разводят руками» — была единственной, кто не испугался. В ночь после моста она пришла в дом, где Вера сидела под столом, обняв колени, и сказала: — Встань.

— Я не могу.

— Встань, я сказала. — Бабушка не повысила голоса, но Вера встала. Ноги дрожали. — Ты — маг. Третье колено.

Сильная. Дикая. Необученная. Это не оправдание и не приговор. Это факт. Что ты с ним будешь делать — твой выбор.

— Я чуть не убила...

— Не убила. Тебя остановила смерть, которая стоит за правым плечом каждого из нас. Она сказала: «ещё рано». Но в следующий раз может сказать «пора». И тогда — либо ты будешь держать свою магию, либо она будет держать тебя. Выбирай.

— Как? Я не умею.

— Никто не умеет. Умеют — те, кто выучился. Тебя выучат. Не здесь — там, где учат таких, как ты. Подожди. Наберись. И когда придёт письмо — поезжай. Даже если скажут «отчисление — смерть». Смерть, Верушка, — это не худшее, что бывает. Худшее — это жить и бояться себя.

Бабушка умерла за год до письма. Не дождалась. Но Вера знала: где-то она видит. И одобряет.

ГЛАВА 4. ВОРОТА

Академия стояла там, где не стояло ничего: на плато между двумя мёртвыми вулканами, окружённая чёрным лесом, который местные называли Гребнем. Ворота — чугунные, выше крепостных — открылись сами. За ними лежал двор, засыпанный пеплом, и здание, которое больше всего походило на крепость, скрестившуюся с собором: шпили, контрфорсы, окна-бойницы.

— Соловьёва, — сказал привратник, не глядя. — Северное крыло, комната тринадцать. Занятия с завтрашнего дня.

Ректор принимает новеньких в полночь. Не опаздывайте: он не любит.

— А если опоздаю?

Привратник посмотрел на неё — впервые. Глаза у него были белые, как у покойника. — Тогда я скажу ему, что вы старались.

ГЛАВА 5. КОМНАТА ТРИНАДЦАТЬ

Комната тринадцать была угловой — два окна: одно на мёртвые вулканы, другое на чёрный лес. Из мебели: кровать, стол, шкаф и камин, который горел сам, без дров. На стене — следы от предыдущих жильцов: чьи-то инициалы, выцарапанные ножом; чья-то магическая формула, написанная кровью (или краской — с расстояния не отличить); и одна надпись мелом, аккуратная, в нижнем углу: «Не бойся. Это пройдёт. Или станешь сильнее. В обоих случаях — выход».

Соседки не было. В академии Тёмных Искусств первокурсники жили по одному — «чтобы не сговариваться», как объяснил привратник. Второкурсники — по двое. С третьего — как повезёт.

Первая ночь прошла без сна. Вера лежала, смотрела в потолок и слушала дом: он скрипел, вздыхал, иногда — постанывал. В полтретьего ночи за стеной кто-то заплакал — тихо, отчаянно, как плачут дети, которым запретили плакать. Потом — резко оборвал себя. Потом — тишина.

Утром она узнала: за стеной жил мальчик по имени Ким. Второй день в академии. Первую ночь.

ГЛАВА 6. РЕКТОР

Ректор Морозов принимал в башне — круглой комнате без окон, освещённой только свечами. Вера вошла в полночь ровно и увидела: стол, заваленный бумагами, карту континента на стене — и его. Высокий, в чёрном, с лицом, которое могло бы быть красивым, если бы не глаза: чёрные, без дна, как колодцы, в которых утонули все, кто заглянул.

— Соловьёва, Вероника Андреевна. Третье колено, недоучка, инцидент в Вельске — четырнадцать жертв, — прочитал он без интонации. — Почему я должен тратить на вас ресурсы академии?

— Потому что я не хотела этого делать. Он напал первым. А потом их было четырнадцать, и я не могла остановиться.

— Не могли или не хотели?

— Не умела.

Ректор отложил бумагу. Впервые за разговор посмотрел ей в глаза — прямо, без пощады. — Это честный ответ. Здесь учат останавливаться. У вас есть четыре года. Если не научитесь — я отчислю вас сам. Лично.

— А если я научусь раньше?

— Тогда, — сказал он, и в глазах на миг блеснуло что-то, похожее на интерес, — вы станете первой за сто лет, кто переживёт четвёртый курс.

ГЛАВА 7. ПЕРВАЯ ЛЕКЦИЯ

Первая лекция Ректора называлась «Введение в контроль». Двести первокурсников в амфитеатре; он на сцене

— один, без конспекта, без магических иллюстраций.

— Контроль — это не подавление, — сказал он. — Подавление — это когда вы затыкаете рот кричащему. Контроль — это когда вы понимаете, почему он кричит, и убираете причину.

Он поднял руку. На ладони загорелся огонь — маленький, синий, послушный.

— Это — моя магия. Она хочет расти. Она хочет жечь. Она хочет — всегда хочет, всегда больше. Если я дам ей волю — она сожжёт этот зал, вас, меня и половину плато. — Огонь погас. — Но я не даю. Не потому что я сильнее её. А потому что я её знаю.

— Как узнать? — крикнул кто-то с задних рядов.

— Так же, как узнают человека: живя с ним. Каждый день. Каждый час. Каждую секунду, когда она рвётся наружу, а вы говорите: «Не сейчас». Потом — «не здесь». Потом — «не так». И однажды — «теперь можно». Это и есть контроль.

Он обвёл зал взглядом.

— Из вас, двухсот, до четвёртого курса доживут тридцать. Не потому что вы слабые. А потому что не все готовы жить со своей магией в одной комнате. Некоторые предпочитают выгнать её на холод. Она не вымерзнет — она замёрзнет и вернётся. Злой.

Вера сидела в седьмом ряду и чувствовала, как её магия — тёмная, дикая, трёхколенная — слушает. Впервые за жизнь — не рвалась. Сидела тихо, как собака, которой наконец объ-

яснили, что происходит.

ГЛАВА 8. ПЕРВЫЙ КУРС

На первом курсе было двести человек. К концу первого семестра — сто сорок. К концу года — девяносто. Отчисляли не за неуспеваемость: отчисляли за то, что магия выходила из-под контроля, а справиться не получалось. Соловьёва держалась. Днём — теория, руны, история запретных искусств. Ночью — практика, под надзором преподавателя, которого все называли просто «Смотрящий», потому что имени его не знал никто.

Ректор появлялся на лекциях раз в месяц. Читал одну лекцию — по основам контроля — и уходил. Но Вера заметила: каждый раз, когда она теряла контроль (а она теряла его часто), на следующее утро на её столе лежала записка. Одно слово. «Дыши». Или «Стоп». Или «Ещё раз».

Она не знала, что это — забота, наказание или привычка. Но к концу первого года она перестала сжигать мебель.

ГЛАВА 9. ПЕРВЫЙ ЭКЗАМЕН

Первый семестр заканчивался экзаменом по «Основам подавления». Все боялись: слухи ходили, что на экзамене «выгоняют половину». Правда оказалась проще и страшнее: не выгоняли — проверяли. Каждый студент входил в комнату, где ждал преподаватель, и должен был удержать контрольный импульс — магический удар в стену — в течение минуты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.